

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

ОБРАЗЫ
СОВРЕМЕНА

Михаил Юрьевич Лермонтов

Монго
(Поэмы)

Содержание

Михаил Юрьевич Лермонтов Монго	0004
Примечания	0015

Михаил Юрьевич Лермонтов

Монго

Садится солнце за горой,
Туман дымится над болотом,
И вот дорогой столбовой
Летят, склонившись над лукой,
Два всадника лихим полетом.
Один – высок и худощав,
Кобылу серую собрав,
То горячит нетерпеливо,
То сдержит вдруг одной рукой.
Мал и широк в плечах другой.
Храпя мотаает длинной гривой
Под ним саврасый скакунок,
Степей башкирских сын счастли-
вый.

Устали всадники. До ног
От головы покрыты прахом.
Коней приезженных размахом
Они любятя порой
И речь ведут между собой.
– Монго, послушай – тут направо!
Осталось только три версты.
– Постой! уж эти мне мосты!
Дрожат и смотрят так лукаво.
– Вперед, Маёшка! только нас

Измучит это приключение,
Ведь завтра в шесть часов ученье!
— Нет, в семь! я сам читал приказ!

Но прежде нужно вам, читатель,
Героев показать портрет:
Монго — повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был —
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немывтый целый день,
Носил фуражку на-бекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То верно в креслах замечали
Его внимательный лорнет.
Одна из дев ему сначала

Дней девять сряду отвечала,
В десятый день он был забыт, —
С толпою смешан волокит.
Все жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
В душе озлобленной его.

Маёшка был таких же правил:
Он лень в закон себе поставил,
Домой с дежурства уезжал,
Хотя и дома был без дела;
Порою рассуждал он смело,
Но чаще он не рассуждал.
Разгульной жизни отпечаток
Иные замечали в нем;
Печалей будущих задаток
Хранил он в сердце молодом;
Его покоя не смущало, —
Что не касалось до него;
Насмешек гибельное жало
Броню железную встречало
Над самолюбием его.
Слова он весил осторожно
И опрометчив был в делах;
Порою: трезвый – врал безбожно,
И молчалив был – на пирах.
Характер вовсе бесполезный

И для друзей и для врагов...
Увы! читатель мой любезный,
Что делать мне – он был таков!

Теперь он следует за другом
На подвиг славный, роковой,
Терзаем пьяницы недугом, —
Изгагой мучим огневой.
Приюты неги и прохлады
Вдоль по дороге в Петергоф,
Мелькают в ряд из-за ограды
Разнообразные фасады
И кровли мирные домов,
В тени таинственных садов.
Там есть трактир... и он от века
Зовется Красным Кабачком,
И там – для блага человека
Построен сумасшедших дом,
И там приют себе смиренный
Танцорка юная нашла.
Краса и честь балетной сцены,
На содержании была:
N. N., помещик из Казани,
Богатый волжский старожил,
Без волокитства, без признаний
Ее невинности лишил.
– Мой друг! ему я говорил:
Ты не в свои садишься сани,

*Танцоркой вздумал управлять!
Ну где тебе <...>*

*Но обратимся поскорее
Мы к нашим буйным молодцам.
Они стоят в пустой аллее,
Коней привязывают там,
И вот, тропинкой потаенной,
Они к калитке отдаленной
Спешат, подобно двум ворам.
На землю сумрак ниспадает,
Сквозь ветви брежжит лунный
свет*

*И переливами играет
На гладкой меди эполет.
Вперед отправился Маёшка;
В кустах прополз он, как черкес,
И осторожно, точно кошка,
Через забор он перелез.
За ним Монго наш долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-как.
Ну, лихо! сделан первый шаг!
Теперь душа моя в покое, —
Судьба окончит остальное!*

*Облокотившись у окна,
Меж тем танцорка молодая*

Сидела дома и одна,
Ей было скучно и зевая
Так тихо думала она:
«Чудна судьба! о том ни слова, —
На матушке моей чепец
Фасона самого дурного,
И мой отец – простой кузнец!..
А я – на шелковом диване
Ем мармелад, пью шоколад;
На сцене – знаю уж заране, —
Мне будет хлопать третий ряд.
Теперь со мной плохие шутки:
Меня сударыней зовут,
И за меня три раза в сутки
Каналью повара дерут,
Мой Pierre не слишком интересен,
Ревнив, упрям, что ни толкуй,
Не любит смеху он, ни песен,
Зато богат и глуп, <...>
Теперь не то, что было в школе:
Ем за троих, порой и боле,
И за обедом пью люнель.
А в школе... Боже! вот мученье!
Днем – танцы, выправка, ученье,
А ночью – жесткая постель.
Встаешь, бывало, утром рано,
Бренчит уж в зале фортепьяно,
Поют все врозь, трещит в ушах;

А тут сама, поднявши ногу,
Стоишь, как аист, на часах.
Флёри хлопочет, бьет тревогу...
Но вот одиннадцатый час,
В кареты всех сажают нас.
Тут у подъезда офицеры,
Стоят все в ряд, порою в два...
Какие милые манеры
И всё отборные слова!
Иных улыбкой ободряешь,
Других бранишь и отгоняешь,
Зато – вернулись лишь домой —
Директор порет на убой:
Ни взгляд не думай кинуть лиш-
ний,
Ни слова ты сказать не смей...
А сам, прости ему всевышний,
Ведь уж какой прелюбодей!..»

Но тут в окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула.
Пред ней, как призрак роковой,
С нагайкой, освещен луной,
Готовый влезть почти в окошко,
Стоит Монго, за ним Маёшка.
«Что это значит, господа?
И кто вас звал притти сюда?
Ворваться к девушке – бесчест-

но!..»

– Нам право это очень лестно!

«Я вас прошу: подите прочь!»

– Но где же проведем мы ночь?

Мы мчались, выбились из силы...

«Вы неучи!» – Вы очень милы!..

«Чего хотите вы теперь?

Ей-богу, я не понимаю!»

– Мы просим только чашку чаю!

«Панфишка! отвори им дверь!»

Поклон отвесивши пренизко,

Монго ей бросил нежный взор,

Потом садится очень близко

И продолжает разговор.

Сначала колкие намеки,

Воспоминания, упреки,

Ну, словом, весь любовный вздор...

И нежный вздох прилично-том-

ный

Порхнул из груди молодой...

Вот ножку нежную порой

Он жмет коленкою нескромной,

И говоря о том, о сем,

Копаясь, будто бы случайно

Под юбку лезет, жмет корсет,

И ловит то, что было тайной,

Увы, для нас в шестнадцать лет!

.....

Маёшка, друг великодушный,
Засел поодаль на диван,
Угрюм, безмолвен, как султан.
Чужое счастье нам скучно,
Как добродетельный роман.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пиру <...>
Иль адъютантом на сраженьи
При генералишке пустом;
Быть на параде жалонёром,
Или на бале быть танцором,
Но хуже, хуже во сто раз
Встречать огонь прелестных
глаз
И думать: это не для нас!

Меж тем Монго горит и тает...
Вдруг самый пламенный пассаж
Зловещим стуком прерывает
На двор влетевший экипаж:
Девятиместная коляска
И в ней пятнадцать седоков...
Увы! печальная развязка,
Неотразимый гнев богов!..
То был Н. Н. с своею свитой:
Степаном, Федором, Никитой,

Тарасом, Сидором, Петром,
Идут, гремят, орут, содом!
Все пьяны... прямо из трактира,
И на устах – <...>
Но нет, постой! умолкни лира!
Тебе ль, поклоннице мундира,
Поганых фрачных воспевать?..
В истерике молодая дева...
Как защититься ей от гнева,
Куда гостей своих девать?..
Под стол, в комод иль под кров-
вать?
В комодѣ места нет и платью,
Урыльник полон под кроватью...
Им остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть в окно...
Опасен подвиг дерзновенный,
И не сносить им головы!
Но вмиг проснулся дух военный —
Прыг, прыг!.. и были таковы...

.....
.....

Уж ночь была, ни зги не видно,
Когда свершив побег обидный
Для самолюбья и любви,
Повесы на коней вскочили

И думы мрачные свои
Друг другу вздохом сообщили.
Деля печаль своих господ,
Их кони с рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ход,
Они <...> спотыкались,
И леность их преодолеть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда же в комнате дежурной
Они сошлись поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.

Тут было шуток, смеху было!
И право, Пушкин наш не врет,
Сказав, что день беды пройдет,
А что пройдет, то будет мило...

Так повесть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами,
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сделать сами?..

Примечания

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861 г., № 20, стлб. 653—658), где поэма была впервые опубликована П. А. Ефремовым с некоторыми купюрами и неточностями.

Автографы и авторизованные копии поэмы не сохранились. Единственный дошедший до нас список О. И. Квиста (ИРЛИ, оп. 2, № 78) весьма неисправен. Список, по которому впервые напечатал поэму П. А. Ефремов, также не сохранился, однако в бумагах Ефремова имеется копия с этого списка (ИРЛИ, оп. 4, № 25, лл. 110—113). На основании этой копии вносятся поправки и дополнения в текст настоящего издания.

По сообщению Н. О. Лернера («Литературное приложение» к «Ленинградской правде», 1928, № 185, 11 августа), в списке, принадлежавшем С. А. Андреевскому, после строки

Прыг, прыг!.. и были таковы...

вместо точек имелись следующие строки:

*Так, силой вражеской гонимый,
В кипящий Тибр с мечом в руках*

*Прыгнул Коклес неустрашимый
И тем прославился в веках.*

Поэма датируется 1836 годом. В списке О. И. Квиста рядом с заглавием имеются следующие пометы: «30 августа» и ниже (под ней): «19 сентября» (пометы перечеркнуты). По-видимому, эти даты обозначают время написания поэмы. Такое предположение поддерживается содержанием поэмы (в поэме описывается приключение, которое произошло летом во время лагерных учений), а также воспоминаниями В. П. Бурнашева (в данном случае, по-видимому, вполне достоверными), где указывается, что поэма написана в первой половине сентября 1836 года («Русский архив», 1872, № 9 стлб. 1779—1781).

Монго – прозвище Алексея Аркадьевича Столыпина (1816—1858), двоюродного брата матери поэта и его близкого товарища. В 1835 году по окончании школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Столыпин был выпущен в лейб-гвардии гусарский полк, где служил вместе с Лермонтовым (об А. А. Столыпине и его отношении к Лермонтову см.: «Лит. наследство», № 45—46,

1948, стр. 749—754).

Маёшка – фамильярное прозвище Лермонтова по имени популярного в те годы карикатурного типа французской сатирической литературы Маеух (о происхождении этого имени см.: Е. П. Ростопчина. Записка о М. Ю. Лермонтове – в кн.: Е. Сушкова, Записки. Л., изд. «Academia», 1928, стр. 346. См. также: П. Н. Сакулин. Лермонтов-Маёшка. Известия отд. русск. языка и словесн. имп. Академии наук, 1910, т. 15, кн. 2, стр. 62—72).

В поэме описывается поездка Лермонтова и Столыпина к балерине Е. Е. Пименовой на дачу, находившуюся на Петергофской дороге близ Красного кабачка (См.: А. Меринский. Библиографические заметки о Лермонтове. «Библиогр. записки», 1859, № 12, стлб. 373; М. Н. Лонгинов. Заметки о Лермонтове и о некоторых его современниках. «Русская старина», 1873, № 3, стр. 381—384).

В некоторых изданиях сочинений М. Ю. Лермонтова «Монго» безоговорочно относят к числу так называемых «юнкерских поэм» и в зависимости от типа издания печатают эту поэму вместе с «Гошпиталем», «Уланшей» и

«Петергофским праздником» или вместе с перечисленными выше поэмами исключают ее из собрания сочинений Лермонтова.

Отнесение «Монго» к «юнкерским поэмам» неточно уже потому, что это произведение написано Лермонтовым через полтора года после окончания юнкерской школы. Юнкерские поэмы были написаны для рукописного журнала «Школьная заря» и представляют, по-видимому, плод коллективного творчества, причем доля участия Лермонтова в создании этих поэм не известна; все эти поэмы были подписаны псевдонимом «Гр. Диарбекир» (смысл этого псевдонима не известен). В отличие от «юнкерских поэм» «Монго» несомненно целиком написан Лермонтовым. В списке О. И. Квиста имеется помета: «Было подписано: “корнет Лермонтов”»